

DOI 10.15826/izv2.2024.26.2.025

УДК 94(470:438)“17/18” + 94(470)“17/18”

+ 329.21 + 94(470)“1584/1612” +

+ 929 Наполеон(44)*I + 94(44)“1789/1794”

В. С. Ившин*Институт истории и археологии**УрО РАН*

Екатеринбург, Россия

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ В РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.

В статье представлена попытка проследить динамику изменений представлений о Смуте в российской политической культуре XVIII – начала XIX в. Автор опирается на методы Кембриджской школы «интеллектуальной истории», представленной трудами Дж. Покока и Кв. Скиннер, позволившие рассматривать привлекаемые исторические материалы в рамках подхода «культурных глоссариев» и риторических стратегий. В фокусе внимания автора – концептуальный аппарат дебатов об «идеальной» форме правления, развернувшихся в российской общественно-политической мысли XVIII – начала XIX в., в том числе на основе исторических сюжетов Смутного времени. В статье доказано, что обращение к данным сюжетам было связано с актуальными для современников событиями во внешней и внутривнутриполитической сферах, соприкасавшихся с попыткой изменения формы правления в России или угрозой ее изменения извне в ходе Наполеоновских войн начала XIX в. На основе проведенного анализа сделан вывод, что российские авторы XVIII – начала XIX в. переосмыслили исторические сюжеты и персоналии Смуты за счет активного применения аристотелевского глоссария форм правлений. Применение данного глоссария к историческим сюжетам Смуты в российской общественно-политической мысли фактически «изобретало» историю Смуты с чистого листа. В этом «изобретении Смуты» появлялись тематики «тирании» и «тираноборчества», рассуждения о наиболее подходящей форме правления для России. Делается вывод, что появление этих риторических стратегий в обращениях к Смуте играло для авторов XVIII – начала XIX в. роль исторической аргументации и доказательства в пользу российской монархии.

Ключевые слова: русско-польские отношения; история XVIII – начала XIX в.; история России; монархизм; провиденциализм; Смута; Пожарский; Минин; Наполеон; Французская революция

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649 «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.: коммуникативные практики и каналы социального взаимодействия», <https://rscf.ru/project/23-18-00649>

Цитирование: *Ившин В. С.* Представления о Смутном времени в российской общественно-политической мысли конца XVIII – начала XIX в. // Известия

Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 2. С. 90–106. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.2.025>

Поступила в редакцию: 30.08.2023

Принята к печати: 07.05.2024

Vladislav S. Ivshin

*Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
Ekaterinburg, Russia*

PERCEPTIONS OF THE TIME OF TROUBLES IN RUSSIAN SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT IN THE LATE 18th – EARLY 19th CENTURIES

This article examines the changing perceptions of the Time of Troubles in Russian political culture between the eighteenth and early nineteenth centuries. The author draws on the methods of the Cambridge school of ‘intellectual history’, represented by the works of J. Pocock and Q. Skinner, which allow the historical materials involved to be considered within the framework of the approach of ‘cultural glossaries’ and rhetorical strategies. The study focuses on debates about the ideal form of government, including historical plots of the Time of Troubles, in Russian socio-political thought of the eighteenth and early nineteenth centuries, including those based on historical plots of the Time of Troubles. The article demonstrates that the appeal to these plots was connected with the foreign and domestic political spheres relevant to the contemporaries, and with the attempt to change the form of government in Russia or the threat of its change from outside during the Napoleonic Wars in the early nineteenth century. The analysis shows that eighteenth- and early nineteenth-century Russian authors reinterpreted the historical events and personalities of the Time of Troubles using the Aristotelian glossary of forms of government. The application of this glossary to the historical themes of the Time of Troubles in Russian social and political thought effectively ‘reinvented’ the history of the Time of Troubles. In this ‘invention of the Time of Troubles’, the themes of ‘tyranny’ and ‘tyrannicide’ and speculation about the most appropriate form of government for Russia emerged. It is concluded that the emergence of these rhetorical strategies in references to the Time of Troubles played the role of historical argument and evidence in favour of the Russian monarchy for eighteenth- and early nineteenth-century authors.

Key words: Russian-Polish relations; 18th- and early 19th-century history; history of Russia; monarchism; providentialism; Time of Troubles; Pozharsky; Minin; Napoleon; French Revolution

Acknowledgements

The research was supported by the *Russian Science Foundation* grant 23-18-00649 “Formation of the Public Sphere in Russia in the Second Half of the 18th Century and the First Half of the 19th Century: Communicative Practices and Channels of Social Interaction”, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00649/>

For citation: Ivshin, V. S. (2024). Predstavleniia o smutnom vremeni v rossiiskoi obshchestvenno-politicheskoi mysli kontsa XVIII — nachala XIX v. [Perceptions of the Time of Troubles in Russian Social and Political Thought in the Late 18th — Early 19th Centuries]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(2), 90–106. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.2.025>

Submitted: 30.08.2023

Accepted: 07.05.2024

В историографии обращение российской интеллектуальной элиты в конце XVIII — начала XIX в. к историческим сюжетам Смуты традиционно связывают с актуальными для современников событиями, отсылавшими их к истории начала XVII в., и с усвоением в России «концепции национального воспитания» Ж.-Ж. Руссо, опиравшейся на приобщение к собственной (национальной) истории [Зорин, с. 164, 167–170, 173–174]. Исследователи подчеркивают «запрос российского общества на национальную историю» и «культивирование национальной самобытности» в период патриотического подъема России в 1807–1812 гг. [Минаков, с. 118–119; Парсамов, с. 188–190]. Подобная постановка проблемы не позволяет дать ответ на вопрос: почему обращения к сюжетам Смуты оказались возможны в российской общественно-политической мысли конца XVIII — начала XIX в. в том виде, в котором их рассматривает, к примеру, А. Л. Зорин; какие риторические стратегии использовали авторы, обращаясь к данной тематике? Ведь даже проводя исторические параллели между прошлым и современным им настоящим, авторы не могли попросту «вычитать» набор аргументов и знаковых образов в готовом виде из сочинений XVII в. Им необходимо было задействовать риторические стратегии при отборе исторических сюжетов и персоналий и шире, — *гlossарии*, определенные объяснительные манеры речи и аргументации, убедительные и доказательные для российских образованных подданных конца XVIII — начала XIX в.

Функционирование исторических сюжетов о Смуте в общественно-политической мысли России конца XVIII — начала XIX в. необходимо рассматривать через адаптацию в отечественной интеллектуальной традиции этого времени *аристотелевского гlossария форм правлений* [Бугров, с. 198–201]. Эта система понятий позволила отечественным авторам разворачивать дебаты о наиболее подходящей форме правления для России на исторических примерах Смуты. Обсуждая исторические события, авторы XVIII — начала XIX в. проецировали греко-римскую образность и описательные модели на отдельные исторические персоналии и сюжеты Смуты. Сам гlossарий форм правлений позволял сравнивать различные формы правлений, допуская возможность существования различных форм правлений, в зависимости от конкретных обстоятельств, в которых находилось государство [Там же, с. 192–222]. При определенных условиях форма правления могла трансформироваться, например, из монархии в тиранию или аристократию, и т. д. [Артемьева, с. 297]. Эти представления опирались на распространенный в XVIII — начале XIX в. взгляд на историю

как циклический процесс, в духе античной традиции — Аристотеля и Полибия [Лимонов, с. 30–31]. Подобный концептуальный аппарат позволил, например, в XVIII — начале XIX в. переосмыслить историю Новгородской республики [Бугров, с. 422–483]. Дебаты о форме правления в литературных и исторических произведениях XVIII — начала XIX в., обращавшихся к историческим сюжетам Смуты, позволяют также выявить и различные аспекты формирования и функционирования в России элементов «литературной публичной сферы» [Хабермас, с. 106–111].

Представления о Смуте в XVII — конце третьей четверти XVIII в.

Оригинальные сочинения XVII в. о Смуте опирались в основном на религиозно-символическую риторику. Политическая история Смуты сводилась к борьбе «истинных» (наследственных и родственных прежней династии) и «ложных» (самозванцев, узурпаторов) претендентов на русский престол [Туфанова, с. 312–342; Антонов, с. 43–45, 90–92]. Этот подход не предполагал легитимного существования иных форм правлений, кроме самодержавия (монархии). К концу первой трети XVII в. модели обретения «истинного» царя сложились в провиденциальную концепцию *легитимации* на царствование, с указанием на акт *наследования* и *кровного родства* вступавшего на престол монарха с «истинными» царями [Антонов, с. 210]. Основой библейской риторики было признание активного вмешательства Провидения в исторические события и их исход, которое, к примеру, посылало «ложных» царей для испытания подданных [Туфанова, с. 223–241]. В большинстве российских исторических сочинений о Смуте, вплоть до последней трети XVIII в., отсутствовали героические образы Д. М. Пожарского и К. Минина [Ткаченко, с. 160–162]. На первом плане была «идея единения ратных людей» и народный подвиг, свершившийся в результате Провидения [Туфанова, с. 385]. Их появление и закрепление в «пантеоне героев» Смуты связано с чередой переосмыслений исторических сюжетов данного события с использованием глоссария форм правлений в конце XVIII — начале XIX в. Следует согласиться с М. А. Киселевым, что еще к началу XVII в. российские элиты осознали своеобразный вариант «общего блага», связанного с наличием государя в государстве [Киселев, с. 20].

В первой половине XVIII в. доминирующим сюжетом Смуты, интерпретированным отечественными авторами при помощи глоссария форм правлений, выступал эпизод крестоцеловальной записи Василия Шуйского. Так, Феофан Прокопович отмечал, что избрание Шуйского сопровождалось ограничением власти монарха, вызвав изменение формы правления на аристократическую, по мнению автора, не подходящую для России [Бугров, с. 213–215]. Следствием изменения формы правления стали негативные последствия для государства: утрата военной мощи, гражданские войны и иностранная интервенция. Использование глоссария форм правлений, впрочем, не помешало ему подчеркнуть и роль Провидения, возродившего «единственно подходящую» для России

форму правления — монархию [цит. по: Бугров, с. 216]. В схожем ключе этот же сюжет рассматривал В. Н. Татищев в «Истории Российской»¹. Избрание на царство Шуйского сопровождалось передачей власти монарха «в совет Сената», что свидетельствовало об установлении аристократической формы правления в России [Татищев, с. 367]. Это изменение на «безпутное [аристократическое] правительство» запустило негативные последствия для государства, в духе описанных Феофаном. Татищев приходил к выводу о том, что монархия «государству нашему протчих полезнее» [Там же]. Выбор Феофаном и Татищевым сюжета с избранием Шуйского и его крестоцеловальной записью не случаен. Их обращение к этой тематике было связано с политическим кризисом 1730 г. — оба автора выступали противниками выдвигаемых Анне Иоанновне «кондиций».

Другой видный интеллектual XVIII в. М. М. Щербатов не соглашался с тезисом Татищева об установлении аристократического правления при воцарении Шуйского, считая, что он давал лишь «присягу», а не «запись» [Щербатов, с. 132]. Замена «записи» об ограничении прав царя на «присягу» была связана с ее сходством с «польским правлением [формой правления]» и «народной ненавистью» к полякам и Лжедмитрию I [Там же, с. 133]. При этом оговаривалось, что «запись» об ограничении прав царя навязывала «часть бояр», дабы сделать его непопулярным среди подданных [Там же]. Таким образом, Щербатов, мастерски владевший глоссарием форм правлений, не проецировал его на рассматриваемый сюжет «присяги» («записи») Шуйского, считая, что форма правления не изменилась после «присяги». Однако, даже в исторических сочинениях конца XVIII в., следовавших за историописательной традицией XVII в., какая-либо «присяга» и «запись» могли не упоминаться. Так поступил и автор анонимной «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии» (1798–1799), акцентируя внимание на кровном родстве избираемых монархов с «истинными царями» и отмечая особую роль Провидения в победе ополчения и избрании Михаила [Подробная летопись..., с. 206–207, 254–255, 290–291]. Впрочем, историк И. Н. Болтин в 1780-е гг. почти дословно цитировал аргументы Татищева о преимуществах монархии над аристократией, приведенные им на сюжет с Шуйским [Болтин, с. 475–476].

Важную роль в создании представлений о Смуте в XVIII — начале XIX в. с использованием глоссария форм правлений играли литература и искусство [Ткаченко, с. 160–161]. Исторические сочинения, в силу жанровой специфики, ориентировались на дидактические цели, а художественные — на актуальные для современников политические события. Достаточно сложной для современников оказывалась проблема разграничения историописательной и художественной интерпретации событий Смуты. Авторы художественных текстов подчеркивали, что опирались при их создании на «исторически достоверные сведения», взятые из сочинений XVII–XVIII вв. [Зорин, с. 179–183]. Однако, Смута, будучи для авторов явным примером кризиса власти в истории России, становилась

¹ Написана в 1730–1740-е гг., опубликована впервые в 1768–1784 гг.

важной исторической аргументацией, позволявшей доказывать преимущества монархии над иными формами правлений.

Впервые художественную интерпретацию исторических сюжетов Смуты предложил А. П. Сумароков в «Димитрии Самозванце» (1771). В историографии его обращение к данному сюжету связывают с событиями 1760-х гг.: грядущим разделом Речи Посполитой (1772) и его реакцией на «Наказ» Екатерины II [Стенник, с. 103, 105–106] и, более осторожно, с рефлексией о дворцовом перевороте 1762 г. [Макаренко, с. 172]. В трагедии акценты были перенесены на тираноборческую тематику и те добродетели, которыми должен обладать монарх, отличный от тирана. Понятие «тирании» и «тираноборчества» в политической культуре XVIII — начале XIX в. опиралось на множество систем понятий и традиций [Brincat]. Наиболее распространенным подходом к определению «тирании» выступал аристотелевский глоссарий форм правлений, в котором «тирания» считалась «испорченным» вариантом монархии, думающей лишь о собственных выгодах [Ильин, с. 118–119]. В интеллектуальной традиции Нового времени «тиранами» могли считаться и крайне жестокие монархи, опиравшиеся на «насилие» и «беззаконие» — распространенным примером такого тирана выступал римский император Нерон. В таком ключе узурпаторы, пришедшие к власти *насильственным путем или хотя бы предпринявшие такую попытку*, считались «тиранами». В отечественных текстах о Смуте XVIII — начала XIX в. сюжеты «тирании» и «тираноборчества» служили доказательством «от противного» преимуществ монархии и тесно соприкасались с дебатами о наиболее подходящей форме правления для России.

У Сумарокова тираном выступал Димитрий Самозванец (Лжедмитрий I), изображенный в аристотелевском понятии «тирании». К этому отсылает одна из его реплик: «Богат быть должен царь, а государство бедно» [Сумароков, с. 449]. Историческую основу составил сюжет, вновь связанный с Шуйским: Димитрий покушался на чужую невесту, дочь Шуйского Ксению, принуждая ее стать его женой. В сумароковской интерпретации Шуйский предстает главой «народного восстания» (тираноборцем). Доказывая преимущества монархии, автор задействовал риторiku форм правлений, наиболее ярко проявившуюся в тираде героя трагедии — Георгия, рассуждающего о форме правления и преимуществах монархии для России:

Самодержавие — России лучша доля.
 Мне думается, где самодержавства нет,
 Что любочестие, теснимо, там падет...
 <...>
 Коль нет монарха в ней [государстве], власть — тяжкие оковы.
 Несчастлива та страна, где множество вельмож:
 <...>
 Благополучна нам монаршеска держава,
 Когда не бременна народу царска слава...
 [Сумароков, с. 450]

В российской интеллектуальной традиции 1700–1770-х гг. в глоссарии форм правлений переосмыслялся прежде всего сюжет с избранием Шуйского и его крестоцеловальной записью, служившей авторам индикатором ограничения власти монарха и попытки трансформировать ее в аристократию. Эта модель позволила авторам связать отход от монархического правления с негативными последствиями для государства. У Сумарокова тираноборческая топика давала иной пример — деградации монархии в тиранию. Подобные переосмысления возникали на фоне актуальных для современников событий, связанных с угрозой изменения формы правления в настоящем.

Представления о Смуте в конце XVIII — начале XIX в.

Французская революция 1789 г. заставила российских образованных подданных вновь осмыслить значение и роль монархии. Впрочем, еще большее значение для российской образованной публики имело Польское восстание 1794 г., в котором современники видели Польскую «революцию» и попытку вмешательства французов в польские дела [Зорин, с. 163]. К подобной интерпретации подталкивала и французская революционная пресса [Заиченко, с. 104]. Синонимичность двух событий в восприятии российских образованных подданных конца XVIII в. подтверждает серия панегириков по случаю подавления восстания и направленных против Французской революции [Бугров, Ившин]. Эта взаимосвязь дала импульс переосмыслению истории Смуты, включив в них современное и прошлое противостояние России с Речью Посполитой.

Исторические параллели вывели на авансцену российских художественных и панегирических сочинений 1790-х гг. о Смуте образ Пожарского. К его образу еще в начале 1780-х гг. обращался Г. Р. Державин в незаконченной поэме «Пожарский». В сохранившихся отрывках Пожарский отказывался от поднесенной ему народом короны, вручая ее Михаилу, «оставшемуся потомку прерванного рода царей» [Державин, 1866, т. 3, с. 469]. Похожая интерпретация ранее встречалась в «Россиаде» (1779) М. М. Хераскова, где народ после изгнания поляков подносил «венец» именно Пожарскому:

Но сей великий муж от царства отречется

<...>

Избрать Романова на царство даст совет...

[Херасков, 1895, с. 166]

В топике сочинений Державина о Смутном времени образ Пожарского встречается наиболее часто². К примеру, в заглавии оды «На коварство во время возмущения французов, к чести князя Д. М. Пожарского, яко укротителя

² Автор настоящего исследования подробно рассмотрел обращения Державина к событиям Смутного времени в статье [Ившин]. Здесь представлена лишь краткая характеристика образа Пожарского в цикле сочинений Державина.

междоусобия и утвердителя монаршей власти» (курсив мой. — В. И.)³ Державин объяснял социальные пороки общества политическими причинами, связывая их с наступлением тирании, которая под маской обещаний («коварства», «лести») об «общем благе» на самом деле скрывает интерес к достижению собственных благ. У Державина примерами греко-римских тиранов выступали Цезарь и Нерон («смирением [коварством] трона достигнул») [Державин, 1957, с. 149]. Однако в этом же списке оказались «похитители» престолов: «*Расстрига»* (*Лжедмитрий I*), Кромвель, Надир-шах; заговорщики: Каталина, Бедемар и *Борис Годунов*, причем в одном ряду с французами-революционерами Мирабо и Лафайетом [Там же, с. 149, 154]. Противоположностью им выступал Пожарский — пример военных качеств и добродетелей, отсылавших к греко-римским образам военачальников-граждан Леонида, Аристида, Эпаминонда и Сципиона. В отличие от них, Пожарский также был «творцом» власти монарха («Царя творец и раб послушный») [Там же, с. 154]. Завершалась ода призывом к Пожарскому «восстать из мертвых» и стать опорой европейских монархов [Там же]. Такой же призыв Державин повторил в оде «На взятие Варшавы» (1794) [Державин, 1868, т. 1, с. 443], уподобив Пожарскому главнокомандующего А. В. Суворова [Ларкович, с. 66–67]. В топике сочинений XVII в. описание военных талантов Пожарского отсутствовало [Туфанова, с. 385–393], а их появление стало, скорее всего, «изобретением» авторов XVIII — начала XIX в. В Отечественную войну 1812 г. литератор Н. И. Греч уподобил М. И. Кутузова Пожарскому, желая, чтобы Кутузов, как когда-то Пожарский, освободил столицу от захватчиков [Парсамов, с. 189].

В поэме М. М. Хераскова «Освобожденная Москва» (1798) о событиях Второго земского ополчения 1612 г. Пожарский тоже выступал центральной фигурой, а автор опирался на глоссарий форм правлений. Это проявилось в описании Семибоярщины как аристократического мятежа и периода раздоров, приведших к польской интервенции. У Хераскова «спасителями Москвы» выступало то же боярство, называвшее себя «наследниками» бояр-мятежников. «Бояре-наследники» задумываются об «общем благе» — возвращении монархии. Херасков заключал о недостатках аристократии и «безначалия»:

Где царствует мятеж, там царствует нахальство;
А зло лютейшее в народе безначальство!

[Херасков, 1798, с. 5]

О важности монархии также высказывался Пожарский Хераскова: «Держава без царя не существует дня <...> Там рабства дух, где всяк желает быть царем» [Там же, с. 20]. Поэма заканчивалась избранием на царствование Михаила, но, в отличие от «Россиады», теперь корону Пожарскому предлагал Трубецкой,

³ Написана в 1789–1790 гг., впервые опубликована в 1798 г. Подробные причины поздней публикации приведены в издании Я. Грота, с объяснениями Державина по этому поводу [Державин, 1957, с. 392].

а избрание Михаила свершилось в результате выбора «вельмож» и «синклита» [Херасков, 1798, с. 104].

Державин и Херасков переосмыслили традиционный историографический сюжет XVII — первой половины XVIII в. с избранием Михаила на престол, в которых ключевая роль некогда принадлежала Провидению. Теперь же оба автора отводили эту роль в избрании (восстановлении монархии) Пожарскому. Предложение ему «короны», как и его присутствие во время избрания монарха, отсутствовали в топики сочинений XVII — первой трети XVIII в. Впрочем, исторические сочинения конца XVIII в. могли соединять две традиции. В сочинении историка И. В. Нехачина «Семибоярщина» свидетельствовала об установлении «небывалой никогда в России» аристократической формы правления, из-за чего начались «бедствия» и «мятежи» [Нехачин, с. 218–219]. Государство спасло только восстановление законной монархии вмешательством Провидения, до этого выбравшего Минина, который «уговорил» (!) Пожарского возглавить ополчение [Там же, с. 237, 247–249]. В избрании Михаила Нехачин задействовал провиденциальную легитимацию власти монарха от Провидения, подчеркивая кровное родство Михаила с прежней династией [Там же, с. 263, 275]. В 1790-е гг. «пантеон героев» Смуты начинает сводиться к «дуумвирату» Пожарского и Минина [Ткаченко, с. 167]. Минин зачастую выступал организатором ополчения, а в кульминационной сцене с избранием играл лишь номинальную роль или вовсе отсутствовал.

Основной всплеск обращений к историческим сюжетам Смуты происходит в 1806–1812 гг. А. Л. Зорин трактует его как «органичную» попытку круга литераторов Шишкова — Державина выстроить идею национальной мобилизации всех российских сословий против общего врага — Наполеона [Зорин, с. 173]. Кульминация в сочинениях этого цикла происходила с «моральным выбором» Пожарского: передать престол «законному» наследнику или взять его самому [Там же, с. 179–180]. «Моральный выбор» Пожарского противопоставлялся действиям Наполеона, «похитившего» престол Бурбонов и ставшего тираном [Там же, с. 184–185]. В. С. Парсамов связывает появление данного сюжета с актуализацией «древнего тираноборческого мифа», сформированного в «“либеральной модели” народной войны» из антитезы «Наполеон — русский народ» [Парсамов, с. 228]. Эта модель предполагала «народное восстание», возглавляемое «народным вождем» против тирана, поправшего народные свободы [Там же, с. 228–230]. Однако, как мы видим, тираноборческая тематика вовсе не была «древней», в XVIII в. российские авторы активно переосмыслили ее под влиянием глоссария форм правлений и греко-римской образности.

Отечественные авторы начала XIX в. закрепили за Пожарским образ «народного вождя» («народного героя»), освобождавшего государство от уже имеющейся или уготованной для России «тирании» иностранных захватчиков (прежде всего поляков). В отечественной интеллектуальной традиции были и другие примеры тираноборчества: цикл сочинений о Новгородской республике и защите республиканской «вольности» от притеснений тирана, в духе

«Вадима Новгородского» [Бугров, с. 460–483]. Однако в проблематике сочинений 1806–1812 гг. о Смуте была идея не защиты республиканской «вольности», а возвращения Пожарским «общего блага» («спокойствия», «тишины»), бывшего при «законном» монархическом правлении и нарушенного исключительными обстоятельствами. Конфликт находился в плоскости глоссария форм правлений — трансформации монархии в аристократию или же деградации обеих в тиранию. Разрешение конфликта включало также легитимацию прав монарха на престол, представляя собой попытку обосновать идеологическую победу Александра I над Наполеоном как победу «законной» монархии над тиранией [Зорин, с. 185–186].

Тираноборческий сюжет о свержении Лжедмитрия I, воспроизведенный ранее Сумароковым, оказался невостребованным в политической ситуации России начала XIX в. и мог быть ассоциирован современниками с недавним дворцовым переворотом в пользу Александра I. Шуйский, победив «тирана» Дмитрия (Лжедмитрия I), сам в результате законного избрания занял престол, но в итоге был предан и отречен от престола боярами. Наряду с тираноборческими сюжетами за возвращение утраченного «спокойствия», в 1800–1810-х гг. появились переводные сочинения о зарубежном опыте борьбы с «тиранией» Наполеона [Парсамов, с. 195–206, 229–231].

Впрочем, Наполеоновские войны давали обширную почву для исторических параллелей, уже апробированных на сюжетах Смуты в отечественных сочинениях 1790-х гг. Державин в поэме «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1805–1806) конструировал образ Наполеона — «похитителя престолов», проводя аллюзии с «коварством» Бориса Годунова — «хищника корон». Державинский Годунов обманным путем взошел на престол и стал тираном, ослабив государство, из-за чего начались «бунты», «грабежи», «мытарство» [Державин, 1867, т. 4, с. 169]. После его смерти к власти пришли новые «тираны»: Лжедмитрий I, «тонкий царедвор» Шуйский и «тьма царей», мечтавших похитить российский престол [Там же, с. 159–160]. Пожарский же совершал свой поход с целью возвращения государства к «законной» монархии:

Природного царя увидеть на престоле
И веру и закон и Россов вознести
На прежню высоту величия и славы...

[Там же, с. 168].

Речь идет об утрате «величия» и «славы» именно в период «тиранства» нелегитимного правителя Бориса Годунова. К Наполеону, впрочем, отсылал заключительный монолог Пожарского, объясняющий зрителю, почему, оказавшись он на троне, сам может стать тираном:

Не может трона тать владеть спокойно славою;
Велик он, или мал, но все он гнев небес,
<...>

Чтоб скрыть свой мрачный нрав или тем, или другим:
 Сегодня *лавров* он, а завтра *пальм* желает... (курсив мой. — В. С.)⁴
 [Державин, 1867, т. 4, с. 190]

Сюжетный прием с моральным выбором Пожарского мог появиться только при использовании авторами глоссария форм правлений, позволившего как минимум объяснить, почему тирания — это плохо, а «законная» монархия — хорошо. При иных условиях российскому образованному подданному конца XVIII — начала XIX в. не была бы понятна сама проблема: почему Наполеон должен считаться тираном, а, к примеру, Пожарский — нет? Ответы на эти вопросы подразумевали под собой использование глоссария форм правлений. Державин добавил в кульминацию поэмы абсолютно новую сцену. Трубецкой в освобожденной Москве обращался к собравшимся с вопросом о выборе «идеальной» формы правления для Российского государства, предлагая республиканскую форму правления по образу Римской республики:

Днем нужно нам решить: как правления род
 Удобней может быть для блага полусвета?
 Примеры многие вселенная дает
 Рим славно чрез сенат владел над всей вселенной:
 Не сблизиться ли нам к правлению сему?
 [Там же, с. 186]

Это, по сути, расхожие аргументы в сторону «классической» республики (Рима, Спарты и Греции): ее «военная мощь» и способность контролировать обширные территории («всей вселенной») [Бугров, с. 432–446]. Трубецкому парировал Пожарский: при республиканской форме правления происходят частые мятежи и, что не менее важно, происходит трансформация от республиканской к монархической форме правления: «там [в Риме] часто власть вверялась одному» [Державин, 1867, т. 4, с. 186]. Народ же восклицал: «Не надобно бар: да здравствует царь!» [Там же, с. 187]. Собравшиеся «выбирали» царя между двумя претендентами: Трубецким и Пожарским. После избрания, Пожарский отказывался от престола и призывал собравшихся учесть исторический опыт монархии в России и кровное родство Михаила с прежней династией:

Законы ж русские, обычай, власть ли Бога
 Повергли с детства нас владычеству царей,
 <...>
 Не можно ль Михаилу Романову взойти на праотчий престол
 По женскому родству?
 [Там же, с. 190]

⁴ Упомянутые «лавры» и «пальмы» — отсылка к Египетскому походу 1798–1801 гг. Наполеона.

В схожем ключе историческая поэма «Пожарский» М. В. Крюковского открывалась сценой междуцарствия (Семибоярщины), когда атаман Заруцкий задумал тайно «похитить» царский престол, пользуясь обстоятельствами и слабостью аристократической формы правления: «...раздорами, войной // И слабостью вельмож [бояр], сей правящих страной» [Крюковской, с. 258]. Заруцкий ранее не упоминался в художественных сочинениях 1780–1790-х гг., здесь же он был одним из последователей Лжедмитрия I [Зорин, с. 177–179]. У Крюковского именно бояре приглашают польского царевича Владислава, который, в интерпретации автора, предстает тираном, атакующим сначала православную церковь и веру, а затем «разграбляющим» государство и подданных [Крюковской, с. 261–262]. Им противостоит Пожарский, совершающий макиавеллистские действия: пренебрегает жизнью собственной семьи ради «общего блага» государства:

Родные? Но Москва не мать ли мне?.. Россия
Простерла днесь ко мне объятия драгие!..

[Там же, с. 275]

Заруцкий в тексте Крюковского считает, что Пожарский освобождал Москву, желая «возложить [на себя] похищенный венец», поэтому он предает его, а после победы Пожарского предпочитает собственную казнь [Там же, с. 283]. Выбор им казни — фактически, добровольного самоубийства — отсылал не только к самоубийству сумароковского тирана Димитрия, но и к гибели римских тираноборцев, таких как Марк Катон Младший, Гай Кассий и Марк Брут [Бугров, с. 425], ведь Заруцкий до последнего думал, что Пожарский, как и он, мечтает похитить «венец» и стать тираном. Отказываясь от престола, Пожарский отмечал, что «цари от бога нам бывают наречены». Этот аргумент парировал некий «смоленский вождь», заявлявший: «Трон празден; божий гнев постиг Российскую землю» [Крюковской, с. 283]. В таком виде «общее благо» было неотделимо от монархической формы правления, а Пожарский, возвращая его, *de facto* возвращал монархию.

Эту взаимосвязь «общего блага» и монархии ярко изобразил поэт С. А. Ширинский-Шихматов в сочинении «Пожарской, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия...» (1807). «Блаженство» («общее благо») под «скипетром своих царей» нарушило появление «Расстриги» (Лжедмитрия I) — «бед содетель» [Ширинский-Шихматов, с. 2–4]. Он «похитил царство» и «потряс законы», сделав государство уязвимым для внешних «завистников» [Там же, с. 5]. Шихматов, возможно, считал правление Годунова «законной», хотя и «алчно злобной» монархией [Там же, с. 63]. Зато приход в Москву поляков он характеризовал как появление «лютейших всех тиранов» [Там же, с. 43]. Пожарский у Шихматова — тираноборец. Ему предлагает престол народ, а «духовный лик и сонм бояр» нехотя, «по немощи своей плачевной», соглашаются с мнением народа [Там же, с. 59]. Указание на «немощь» бояр прямо свидетельствует о слабости аристократического правления. В остальном автор

следовал за Державиным в описании «морального выбора» Пожарского и легитимации власти монарха.

Компендиумом представлений о Смуте отечественных авторов XVIII – начала XIX в. выступило историческое сочинение П. Ю. Львова «Пожарский и Минин, спасители Отечества» (1810). Здесь «исторические бедствия» стимулируют проявление высшей добродетели – «любви к Отечеству». Вместе с тем, при деградации монархии в тиранию, добродетели подданных, а с ними «величие» государства приходят в упадок [Львов, с. 7]. Проецируя данную схему на историю Смуты, Львов, подобно рассмотренным выше авторам, отказывался считать «тираном» Бориса Годунова, поскольку тот хотя и «мрачным путем достиг» престола (Львов даже уподобил его таким записным интриганам, как герцог де Гиз, Ришелье и Кромвель), но все же «царствовал благоразумно», подобно римскому императору Гордиану I [Там же, с. X–XI]. Такое уподобление отсылает и к державинской интерпретации образа Октавиана Августа, обратившего свои «козни злые» в «дела благие» [Державин, 1957, с. 150]. Явным тираном и нарушителем «общего блага» выступал Лжедмитрий I, свергнутый «добродетельным царем» Шуйским. С отречением же Шуйского установилась аристократическая форма правления, «неслыханная в России власть семибоярства». Государство, из-за «неподходящей» для России формы правления, осталось «как корабль», носящийся по «тревожному морю» [Львов, с. 61, 65, 73]. Пожарский и Минин вновь представляли тираноборцами, уподобляемыми греко-римским деятелям: Пожарский – Леониду, Луцию Эмилию и Сципиону, Минин – Аристиду, Гаю Фабрицию, Катону Старшему и Луцию Цинциннату [Там же, с. 19]. Приведенный набор греко-римских образов был призван подчеркнуть прежде всего их военные качества и гражданские добродетели.

Наибольшие отличия с существовавшим каноном обнаруживаются здесь в сцене «морального выбора» Пожарского. У Львова инициатива вернуть монархию принадлежала народу, желавшему восстановления своих прав [Там же, с. 167]. Избрать же Пожарского монархом предлагали лишь некоторые «старцы». Сюжет с выбором формы правления и сам растиражированный монолог Пожарского с отказом от престола также отсутствовали: Львов лишь констатировал, что «летописи наши молчат о сем достославном отречении...» [Там же, с. 175]. Впрочем, он приводил фрагмент державинской оды «На коварство...», описывающий отречение Пожарского, считая его за не меньшую «историческую истину» [Там же]. В остальном Львов не отходит от канона династической легитимации власти монарха, подчеркивая родство Михаила Романова с «Рюриковым коленом» [Там же].

Рассмотренные выше российские сочинения конца XVIII – начала XIX в. о Смуте, конечно, не исчерпывают дискурс об этом историческом событии, сложившийся в данный период времени. Можно, однако, констатировать, что обсуждение исторического сюжета Смуты в это время предполагало активное использование глоссария форм правлений, а также греко-римской образности. За счет глоссария форм правлений отечественные авторы фактически заново

«изобретали» историю Смуты, резко отличавшуюся от летописных описаний конца XVI — XVII в. Это, в частности, позволило трактовать отдельные эпизоды Смуты как конфликт между монархической и аристократической формами правления или же монархией и ее «дегенеративной» формой — тиранией. Ряд исторических персоналий Смуты представляли в образе тираноборцев, желавших возвращения утраченного «общего блага» (монархии).

К такому прочтению исторических сюжетов Смуты отечественных авторов подталкивали и современные им политические события в политической сфере, связанные с революцией во Франции и последующими войнами. Цель обращений к этой тематике была амбивалентна: с одной стороны, авторы обосновывали и доказывали «вечность» монархической власти, а с другой — демонстрировали негативные черты иных, немонархических форм правления, ту опасность, которую они предположительно несли для России. Это могло служить для российских образованных подданных конца XVIII — начала XIX в. убедительным доказательством в пользу российской монархии, а также вселять в них уверенность в том, что исходящие из Франции «революционная тирания» и «безначалие» исторически обречены на поражение и преобразование в монархическую форму правления.

Источники

Болтин И. Н. Примечания на Историю древней и нынешней России Г. Леклерка : в 2 т. СПб. : Тип. горн. ун-та, 1788. Т. 2.

Державин Г. Р. Из поэмы Пожарский // Сочинения Державина : с объяснительными примечаниями Я. Грота : в 9 т. Т. 3 : Стихотворения. Ч. 3. СПб. : Изд-во Имп. Акад. наук, 1866. С. 469–473.

Державин Г. Р. Пожарский, или Освобождение Москвы // Сочинения Державина : с объяснительными примечаниями Я. Грота : в 9 т. Т. 4. СПб. : Изд-во Имп. Акад. наук, 1867. С. 129–192.

Державин Г. Р. На взятие Варшавы // Сочинения Державина : с объяснительными примечаниями Я. Грота : в 7 т. Т. 1 : Стихотворения. Ч. 1. СПб. : Изд-во Имп. Акад. наук, 1868. С. 443–454.

Державин Г. Р. На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского // Державин Г. Р. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1957. С. 147–156.

Крюковской М. В. Пожарский. Трагедия в трех действиях // Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX в. / вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. О. Янковского. М. : Сов. писатель, 1963. С. 255–286.

Львов П. Ю. Пожарский и Минин, спасители Отечества. СПб. : Тип. В. Плавильщикова, 1810.

Нехачин И. В. Новое ядро российской истории : в 2 ч. М. : Тип. А. Решетникова, 1795. Ч. 2. Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии : в 3 ч. СПб. : Тип. К. Шнора, 1799.

Сумароков А. П. Димитрий Самозванец // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1957. С. 425–470.

Татищев В. Н. История Российская // Татищев В. Н. Собр. соч. : в 8 т. Т. 1, ч. 1. М. : Ладомир, 1994.

Херасков М. М. Освобожденная Москва. М. : Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1798.

Херасков М. М. Россиада. СПб. : Изд-во И. Глазунова, 1895.

Ширинский-Шихматов С. А. Пожарской, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия, лирическая поэма в трех песнях. СПб. : Имп. тип., 1807.

Щербатов М. М. История российская. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1791. Т. 7, ч. 2.

Исследования

Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М. : РГГУ, 2009.

Артемова Т. В. История метафизики в России XVIII века. СПб. : Алетей, 1996.

Буров К. Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2017.

Буров К. Д., Ившин В. С. Трансформация политической культуры российского монархизма в панегириках рубежа XVIII–XIX вв. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 81–99. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2021.37.7>

Заиченко О. В. Россия в политических дискуссиях в Германии во время эльзасского кризиса 1790–1793 годов // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 101–112.

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М. : НЛО, 2001.

Ившин В. С. Концепция Смутного времени Г. Р. Державина в политической культуре российского монархизма конца XVIII — начала XIX вв. // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура / сост., отв. ред. Д. В. Пузанов. Ижевск : Изд-во УдГУ, 2022. С. 187–192.

Ильин М. В. Слова и смыслы: Деспотия. Империя. Держава // Полис. Политические исследования. 1994. № 2. С. 117–130.

Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII — первой четверти XVIII вв. // Исторический вестник. 2013. № 153. С. 18–53.

Ларкович Д. В. Державин и Суворов: творческое взаимодействие автора и героя // Русская литература. 2010. № 3. С. 62–72.

Лимонов В. А. Идея цикличности исторического процесса в трудах русских мыслителей XVIII–XIX вв. // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 2. С. 26–31.

Макаренко Е. К. Роль шекспировского театра в формировании русской исторической трагедии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 7. С. 171–177.

Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011.

Парсамов В. С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-политической мысли XVIII — начала XIX вв. СПб. : Наука, 2004.

Ткаченко В. В. Герои Смутного времени в русской исторической памяти XVIII — начала XIX вв. // Города и люди старой России. К юбилею профессора Н. В. Козловой : сб. науч. ст. / под ред. Л. С. Белоусова. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2023. С. 157–167.

Туфанова О. А. Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. М., 2019.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В. В. Иванова. М. : Весь Мир, 2016.

Brincat S. “Death to Tyrants”: The political philosophy of tyrannicide – Part I // *Journal of International Political Theory*. 2008. Vol. 4. P. 212–240.

References

Antonov, D. I. (2009). *Smuta v kul'ture srednevekovoi Rusi: evoliutsiia drevnerusskikh mifologem v knizhnosti nachala XVII veka* [Time of Troubles in the Culture of Medieval Russia: Evolution of Old Russian Mythologems in the Early 17th Century]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

Artemyeva, T. V. (1996). *Istoriia metafiziki v Rossii XVIII veka* [History of Metaphysics in Russia in the 18th Century]. St Petersburg: Aleteia.

Brincat, S. (2008). “Death to Tyrants”: The Political Philosophy of Tyrannicide – Part I. *Journal of International Political Theory*, 4, 212–240.

Bugrov, K. D. (2017). *Formirovanie idei respublikanizma v rossiiskoi obshchestvenno-politicheskoi mysli XVIII veka* [Formation of the Ideas of Republicanism in the Russian Socio-political Thought of the 18th Century] (habilitation dissertation). Ural Federal University, Ekaterinburg.

Bugrov, K. D., & Ivshin, V. S. (2021). Transformatsiia politicheskoi kul'tury rossiiskogo monarkhizma v panegirikakh rubezha XVIII–XIX vv. [Transformation of the Political Culture of Russian Monarchism in Panegyrics of the Turn of the 19th Century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1, 81–99. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2021.37.7>

Habermas, J. (2016). *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: Issledovaniia otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society] (V. V. Ivanov, Trans.). Moscow: Ves' Mir.

Ivshin, V. S. (2022). Kontseptsii Smutnogo vremeni G. R. Derzhavina v politicheskoi kul'ture rossiiskogo monarkhizma kontsa XVIII – nachala XIX vv. [G. R. Derzhavin's Concept of the Time of Troubles in the Political Culture of Russian Monarchism in the Late 18th – Early 19th Centuries]. In D. V. Puzanov (Ed.), *Evropa v Srednie veka i Novoe vremia: Obshchestvo. Vlast'. Kul'tura* [Europe in the Middle Ages and Modern Times: Society. Power. Culture] (pp. 187–192). Izhevsk: Udmurt State University.

Ilyin, M. V. (1994). Slova i smysly: Despotiia. Imperiia. Derzhava [Words and Meanings: Despotism. Empire. State]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2, 117–130.

Kiselev, M. A. (2013). Forma pravleniia i sotsial'naia ierarkhiia v rossiiskoi politicheskoi mysli XVII – pervoi chetverti XVIII vv. [Form of Government and Social Hierarchy in the Russian Politics of the 17th and the First Quarter of the 18th Centuries]. *Istoricheskii vestnik*, 153, 18–53.

Larkovich, D. V. (2010). Derzhavin i Suvorov: tvorcheskoe vzaimodeistvie avtora i geroina [Derzhavin and Suvorov: Creative Interaction between the Author and the Hero]. *Russkaia literatura*, 3, 62–72.

Limonov, V. A. (2010). Ideia tsiklichnosti istoricheskogo protsessa v trudakh russkikh myslitelei XVIII–XIX vv. [The Idea of the Cyclical Nature of the Historical Process in the Works of Russian Thinkers of the 18th–19th Centuries]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2, 26–31.

Makarenko, E. K. (2014). Rol' shekspirovskogo teatra v formirovanii russkoi istoricheskoi tragedii [The Role of Shakespearean Theatre in the Formation of Russian Historical Tragedy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 7, 171–177.

Minakov, A. Yu. (2011). *Russkii konservativizm v pervoi chetverti XIX veka* [Russian Conservatism in the First Quarter of the 19th Century]. Voronezh: Voronezh State University.

Parsamov, V. S. (2020). *Na putiakh k Sviashchennomu soizu: ideia voiny i mira v Rossii nachala XIX veka* [On the Paths to the Holy Alliance: The Idea of War and Peace in Russia in the Early 19th Century]. Moscow: HSE University.

Stennik, Yu. V. (2004). Ideia “drevnei” i “novoi” Rossii v literature i obshchestvenno-politicheskoi mysli XVIII – nachala XIX vv. [The Idea of “Ancient” and “New” Russia in Literature and Socio-political Thought of the 18th – Early 19th Centuries]. St Petersburg: Nauka.

Tkachenko, V. V. (2023). Geroi Smutnogo vremeni v russkoi istoricheskoi pamiatii XVIII – nachala XIX vv. [Heroes of the Time of Troubles in the Russian Historical Memory of the 18th – Early 19th Centuries]. In L. S. Belousova (Ed.), *Goroda i liudi staroi Rossii. K iubileiu professora N. V. Kozlovoi: sbornik nauchnykh statei* [Cities and People of Old Russia. For the Birthday of Prof. N. V. Kozlova: Collection of Scholarly Papers] (pp. 157–167). Moscow: Moscow State University.

Tufanova, O. A. (2019). *Drevnerusskie pis'mennye pamiatniki o Smutnom vremeni kak khudozhestvennyi fenomen* [Old Russian Written Sources about the Time of Troubles as an Artistic Phenomenon] (habilitation dissertation). A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

Zaichenko, O. V. (2019). Rossiia v politicheskikh diskussiiakh v Germanii vo vremia el'zasskogo krizisa 1790–1793 godov [Russia in Political Discussions in Germany during the Alsatian Crisis of 1790–1793]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 1, 101–112.

Zorin, A. L. (2001). *Kormia dvuglavogo orla: Literatura i gosudarstvennaia ideologiia v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka* [Feeding the Two-headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Ившин Владислав Сергеевич

младший научный сотрудник
Институт истории и археологии УрО РАН
620108, Екатеринбург,
ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: v.s.ivshin96@gmail.com

Ivshin, Vladislav Sergeevich

Junior Researcher
Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS
16 S. Kovalevskaya St., 620108 Ekaterinburg,
Russia
Email: v.s.ivshin96@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4693-1922>
Scopus AuthorID: 57890425600